

236065

• НАЗАРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

КАРАЗИНЪ

И ЕГО

КОЛОКОЛЬ.

Издание журнала „Кіевская Старина“.

ПРОВЕРКА
ЧИСЛА 1922

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская у., домъ № 4
1892.

16 89 08

Дозволено цензур. Київъ, 23-го ноября 1892 г.

99 79 84

Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ.

О жизни Назара Александровича Каразина, отца знаменитаго виновника основанія университета въ Харьковѣ Василія Назаровича, мы знаемъ очень мало. Намъ извѣстно только то, что сообщилъ о немъ Василій Назаровичъ въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ статей. Между тѣмъ данныя о его жизни представляютъ интересъ и для уясненія сложнаго характера его сына; интересно поставить вопросъ, не вліяла ли на образованіе характера Василія Назаровича наслѣдственность и домашняя семейная обстановка. Слишкомъ необычайными для украинца (каковымъ всегда себя считалъ и называлъ Василій Назаровичъ) являются тѣ черты, которыми запечатлѣна дѣятельность этого выходца изъ южной Славянщины; это была беспокойная, бурная натура, человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ жизненной энергіи, не могшій сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и переходившій постоянно отъ одного увлеченія къ другому. Такая же беспокойная натура была и у отца его, который на вѣку своемъ испыталъ не мало приключеній и злоключеній. „Говоря по гречески и по турецки, онъ получилъ отъ имп. Екатерины II-й порученіе отправиться секретно въ Турцію для осмотра и снятія плановъ крѣпостей. Это было предъ началомъ нашей войны съ Турціей. Назаръ Каразинъ былъ представленъ Императрицѣ, какъ хорошій инженерный офицеръ. Переодѣтый монахомъ, съ отрощенной бородой, съ просительною книгой въ рукахъ и съ боченкомъ воды за плечами (въ боченкѣ было четыре дна; между средними были спрятаны бумаги и чертежные инструменты), онъ отправился въ

путь пѣшкомъ, проникъ въ глубь Турціи, все осматрѣлъ, вывѣдалъ и снялъ на бумагѣ. Въ Адріанополѣ его схватили на разсвѣтѣ утра за работою, надъ съемкою какого-то бастіона. Онъ успѣлъ бросить боченокъ въ кусты. Но его чуть, по приказанію паши, не посадили на колъ. Онъ убѣждалъ изъ заключенія, доставилъ въ Россію свои замѣтки и планы и привелъ еще съ собою 3000 арнаутовъ, вслѣдъ за нимъ бросившихъ Турцію. Его сдѣлали ихъ начальникомъ, и съ этимъ отрядомъ онъ пошелъ предъ нашей арміей, открывшей войну съ невѣрными¹⁾. По выходѣ въ отставку онъ былъ награжденъ помѣстьемъ въ Слободской Украинѣ (ему пожаловано селеніе Кручики, въ нын. Богодуховскомъ уѣздѣ Харьковской губ.). Проживая тамъ, онъ столкнулся съ своимъ сосѣдомъ, помѣщикомъ Ольховскимъ, который также служилъ въ военной службѣ и получилъ имѣніе въ Украинѣ. Это былъ типъ буйнаго воина, не желавшаго разстаться со своими военными привычками и замашками даже въ мирномъ деревенскомъ уголкѣ. Наѣзды польской и западнорусской шляхты представляютъ всѣмъ хорошо извѣстную особенность польской исторіи XVI—XVII вв. Такія лица, какъ Самуиль Лащъ, создали себѣ, можно сказать, вѣчную неувядаемую славу на этомъ поприщѣ. Даже выходцы изъ Московіи, вродѣ знаменитаго кн. А. М. Курбскаго, скоро входили во вкусъ наѣздовъ и обнаруживали въ нихъ энергію, которой могли позавидовать и туземцы. Въ лѣвобережной Малоросіи новое панство, подражая шляхетству Рѣчи Посполитой, также практиковало нерѣдко наѣзды на имѣнія своихъ сосѣдей, хотя повидимому не въ столь широкихъ размѣрахъ, какъ въ Правобережѣ. Въ Слободской Украинѣ своими наѣздами прославился выходецъ изъ Правобережной Малороссіи ф-лоцерковскій полковникъ изъ волоховъ Танскій. Ему вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими выходцами волохами—полковникомъ Кигичемъ, офицерами Жіяномъ, Бедрягой, а также рядовыми козаками и поляками—указано было жить въ м. Мурафѣ и устроить конскій заводъ. Но эти новые поселенцы стали причинять

¹⁾ Г. П. Давилевскій. Украинская Старина.

мѣстнымъ обывателямъ постоянныя обиды. Въ 1720 г. ротмистръ Жіянъ избилъ мурафовскаго священника и его сына; смотрителю казенной табачной фабрики въ Ахтыркѣ поручено было произвести слѣдствіе, но Танскій и Жіянъ уклонялись отъ него. Бригадиръ слободскихъ полковъ Осиповъ писалъ, что волохи причиняютъ наглые грабежи, обиды и разоренія всѣмъ мурафовскимъ обывателямъ, отъ чего ихъ разошлось уже 70 дворовъ. Въ 1724 г. Ахтырскій полковникъ Лесевицкій выступилъ съ новою жалобою на волоховъ, заявляя, что полковникъ Танскій завладѣлъ многими землями обывателей, лѣсами и людьми, безнаказанно наноситъ побои и обиды, разорилъ и сжегъ новопостроенную слободу Шаровку. Въ 1748 и 1749 годахъ полчане снова жаловались на Танскаго и его шайку гайдамаковъ, которая грозила истребленіемъ мурафовской козацкой сотни и между прочимъ снова разорила сл. Шаровку и избила Краснокутскаго атамана ¹⁾).

Новыя выходцы въ Слободскую Украину при Екатеринѣ, вродѣ Ольховскаго, являются какъ бы прямыми продолжателями Танскаго и его компаніи. Не будучи въ состояніи отстать отъ привычекъ, унаслѣдованныхъ въ непрерывныхъ войнахъ, относясь высокомѣрно къ мѣстному населенію, которое отдавалось имъ въ подданные, ссорясь и враждуя съ сосѣдями помѣщиками, неприспособленные къ мирнымъ сельскохозяйственнымъ занятіямъ да и не могшіе быстро измѣнить своихъ вкусовъ, они являлись безпокойнымъ и необузданнымъ элементомъ среди мѣстнаго украинскаго общества. Въ этомъ послѣднемъ въ свою очередь не успѣли еще утвердиться новыя гражданскія учрежденія, явившіеся результатомъ реформаторской дѣятельности Евд. Щербинина. Слободская Украина переживала переходной моментъ своего историческаго существованія: старый козацко-военный бытъ мало-по-малу замѣнялся гражданскимъ. Новыя правительственныя учрежденія ослабили значеніе мѣстныхъ, но сами въ свою очередь не успѣли приспособиться къ чуждой ихъ формамъ средѣ. Канцелярская процедура, запутан-

¹⁾ Филаретъ. Ист. стат. опис. Харьк. епархіи, III, 208—209.

ность правовых нормъ, письменное производство дѣлъ оставляли надежду на безнаказанность болѣе сильнымъ и смѣлымъ. У новыхъ помѣщиковъ оставались въ распоряженіи военные контингенты, которыми они пользовались противъ личныхъ своихъ противниковъ. Такъ поступалъ, какъ увидимъ далѣе, Ольховскій.

О дѣяніяхъ Ольховскаго и о его борьбѣ съ Наз. Каразинымъ мы имѣемъ два сорта матеріаловъ—мѣстные преданія и архивныя бумаги. Любопытно ихъ сопоставить и провѣрить одни другими. Въ фамиліи самихъ Каразиныхъ сохранился слѣдующій рассказъ объ этомъ эпизодѣ, сообщенный намъ И. И. Каразинымъ (за что мы и приносимъ ему искреннюю благодарность). „Мой дѣдъ, пишетъ мнѣ Иванъ Ивановичъ Каразинъ, владѣлецъ с. Кручика, полковникъ русской службы Назаръ Александровичъ Каразинъ былъ сосѣдомъ извѣстнаго Саввы Петровича Ольховскаго, владѣльца с. Шаровки, которая теперь принадлежитъ Д. Х. Гебенштрейтъ. Савва Ольховскій былъ разбойничьяго нрава и про него въ памяти старожилловъ сохранились ужасы. Такъ, рассказываютъ, что у него въ подвалахъ гнили люди на цѣпяхъ, что земли Шаровки увеличены на счетъ разбоя. Дѣлался наѣздъ ночью на мелкаго владѣльца, который изгонялся изъ своего дома, вся усадьба сожигалась, тутъ же пускались плуги, вся земля вспахивалась и по времени года засѣвалась озимымъ, яровымъ, гречихой. И когда ограбленный пріѣзжалъ съ судомъ на мѣсто разслѣдовать дѣло (что, разумѣется, вслѣдствіе подкупности и страха судей дѣлалось не скоро), то на мѣстѣ усадьбы волновалась нива, что и служило подтвержденіемъ доказательства Саввы, будто бы здѣсь никогда никакой не было усадьбы и земля принадлежала ему. Савва оставался правъ и выигрывалъ дѣло. Сел. Мирное, принадлежащее Шаровкѣ, не носитъ ли названія Мирнаго, какъ послѣдствіе этихъ разбоевъ, оконченныхъ грошевымъ миромъ? Даже проѣздъ черезъ земли Саввы былъ опасенъ и дѣлался со страхомъ. Всѣмъ сосѣдямъ приходилось жутко отъ Саввы. И вотъ какимъ то образомъ (въ памяти объ этомъ данныхъ не сохранилось) былъ задѣтъ мой дѣдъ—войска неугомоннымъ Саввой!... Изъ этого столкно-

венія вытекла формальная война съ пушками и вооруженными людьми. Пушки были очаковскія, маленькія, вѣроятно, привезенныя дѣдомъ съ войны. Было двадцать человѣкъ убитыхъ, и грозный Савва взятъ моимъ дѣдомъ въ плѣнъ и доставленъ въ тогда еще уѣздный городъ Краснокутскъ и за стражей помещенъ въ заточеніе. Но караулъ былъ ловко опоенъ водкой съ дурманомъ—и Савва бѣжалъ. Мой дѣдъ велѣлъ отлить колоколъ, на которомъ была также отлита фізіономія Саввы съ такимъ расчетомъ, чтобы языкъ колокола, ударяя по немъ, приходился по лбу Саввы; а вокругъ колокола была сдѣлана слѣдующая надпись: „да вопіетъ о тебѣ, проклятомъ Саввѣ, кровь невинныхъ, пролитая тобой и черезъ тебя, проклятаго Савву“. Это происшествіе было въ концѣ царствованія Екатерины II-й. Когда вступилъ на престолъ Павелъ Петровичъ, то Савву вытребовали въ Петербургъ, гдѣ и высѣкли, а моему дѣду было приказано стереть непристойную надпись. Но, говорятъ, она такъ слабо стерта, что и до сихъ поръ ее можно прочесть“.

Отъ мѣстныхъ старожиловъ, при посредствѣ одного почтеннаго изыскателя слободско-украинской церковной старины, мы получили слѣдующія свѣдѣнія о церкви сел. Кручика и о занимающемъ насъ эпизодѣ. „Изъ храмозданной грамоты преосв. Аггея, епископа Бѣлгородскаго и Обоянскаго, хранящейся въ церкви и относящейся къ 1774 году, видно, что въ сел. Кручикѣ, состоявшемъ въ богодуховскомъ вѣдомствѣ и пожалованномъ полковнику Назару Каразину отъ Ея Имп. Вел. Екатерины II-й въ 1770 году, была уже церковь во Имя Честнаго и Животворящаго Креста Господня, деревянная, маленькая и за давностію лѣтъ ветхая. Въ томъ же 1770 году 31 декабря послѣдовалъ (вѣроятно, вслѣдствіе просьбы Назара Каразина) указъ Е. Имп. Вел. изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода о томъ, что къ построенію вмѣсто ветхой новой деревянной церкви на иномъ удобномъ мѣстѣ препятствія никакого не оказывается (прежняя церковь стояла надъ рѣчкой Мерломъ и была подтоплена водою до половины ограды, а въ разливъ вода доходила до самаго фундамента). Въ силу этого указа преосв. епископомъ Аггеемъ въ 1774 году 30 апрѣля дана гра-

мота богодуховскому протопопу Димитрію Захаржевскому съ разрѣшеніемъ заложить въ сел. Кручикъ вмѣсто прежней ветхой новую церковь на иномъ мѣстѣ. Почему нынѣ существующая деревянная церковь заложена въ 1774 году 14 сентября, а освящена 30 августа 1776 г. преосв. Аггеемъ во Имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Когда же построена была въ с. Кручикъ прежняя церковь и съ какого времени существуетъ самое село Кручикъ—ничего не извѣстно. А такъ какъ въ 1770 году въ с. Кручикъ была церковь уже ветхая, то можно полагать, что она построена въ концѣ 1600-хъ годовъ или же въ началѣ 1700-хъ. Нынѣшняя же церковь существуетъ уже 117 лѣтъ и, хотя была подважена въ 1840-хъ годахъ, но еще и теперь прочна; устроена въ формѣ креста и соединена посредствомъ придѣла съ колокольнею. Подъ церковью и колокольнею устроенъ склепъ, въ которомъ погребенъ умершій въ 1783 году 14 марта создатель церкви полковникъ Назарій Александровичъ Каразинъ¹⁾. На колокольнѣ отъ начала ея построенія были боевые часы, которыхъ уже давно нѣтъ, а колоколъ, къ которому они были приведены, до нынѣ цѣлъ. Вѣсомъ онъ въ 15 пудовъ; вокругъ него внизу литая надпись съ нѣкоторыми стертыми словами. Вотъ эта надпись въ ея нынѣшнемъ видѣ (стертыя мѣста обозначаются черточками): сей колоколъ . . . . . ющіе къ Богу людей . . . села Кручика и деревни Основинецъ . . . Васильевымъ сыномъ . . . . 1776 года августа 16 числа. Одинъ изъ потомковъ Н. Каразина поясняетъ эту надпись, какъ слышалъ отъ своей бабушки, внучки того Каразина, такъ: сей колоколъ *гласы вопіющіе* къ Богу людей *убіенныхъ* села Кручика и деревни Основинецъ *Саввою* Васильевымъ сыномъ *Ольховскимъ* (послѣднее слово хотя и стерто, но нѣкоторыя буквы замѣтны и по нимъ можно догадаться, что оно вѣрно) 1776 года августа 16 числа.

¹⁾ Въ 1820-хъ годахъ Вас. Наз. Каразинъ просилъ преосв. Павла дозволить ему приготовить для своего гроба мѣсто подъ церковью. Но такъ какъ для этого понадобилось бы вынимать на время изъ склепа находившіеся тамъ гробы, то преосв. Павелъ на основаніи одного Синодальнаго указа отказалъ Каразину въ его просьбѣ. Подлинное прошеніе В. Н. Каразина хранится въ консисторскомъ архивѣ.

По какой же причинѣ сдѣлана надпись на колоколѣ и потомъ нѣкоторыя слова стерты — объясняютъ такъ. Помѣщики села Кручика Назарій Каразинъ и села Шаравки, отстоящаго отъ Кручика на 10 в., Савва Ольховскій спорили между собою за какую-то землю, которою хотѣлось владѣть и тому, и другому, и какъ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ сдѣлать уступки, то рѣшили овладѣть ею силою, для чего и выставили на границу своихъ имѣній (смежныхъ между собою), своихъ крестьянъ, вооруженныхъ колющими; началась битва, въ которой съ обѣихъ сторонъ погибло много людей, но ольховцы все таки одолѣли. Тогда Каразинъ, въ отмщеніе Ольховскому за побѣду и въ память о своихъ побитыхъ людяхъ, вылилъ сей колоколъ съ означенною надписью и привелъ къ нему часы, чтобы всегда, во время ихъ боя, вспоминать о невинно погибшихъ своихъ людяхъ. По смерти же Назара Александровича Каразина, послѣдовавшей въ 1783 году 14 марта, сынъ его Василій Назаровичъ изгладилъ изъ той надписи нѣкоторыя слова, чтобы и самому забыть и чтобы потомки не знали о враждѣ, бывшей между его отцомъ и сосѣднимъ помѣщикомъ.

Въ церкви находится эпитафія Назарію Каразину, написанная по преданію философомъ Сковородою. Она помѣщается въ церкви, а не надъ гробомъ, потому что хода въ склепъ не имѣется. Эпитафія написана на простой деревянной доскѣ, окрашенной черною краской, славянскими буквами, нѣкогда красными, а теперь уже поблѣвшими. Эта доска прежде стояла въ алтарѣ на задней сторонѣ иконостаса, а теперь въ церкви, на лѣвомъ клиросѣ, съ задней стороны заклироснаго кіота. На этомъ видномъ мѣстѣ поставлена она для того, чтобы всякому желающему можно было прочесть эту эпитафію“.

Въ общихъ чертахъ эти преданія сходны, но въ подробностяхъ (и даже весьма существенныхъ) заключаютъ въ себѣ непримиримыя противорѣчія; кромѣ того, они все таки оставляютъ въ этомъ дѣлѣ много неяснаго. Къ счастью мы имѣемъ еще и документальныя данныя, отчасти подтверждающія, отчасти дополняющія и исправляющія устные сообщенія. Харьковское намѣстническое правленіе отпростило преосв. Теофисту, епископу бѣл-

городскому официальное извѣщеніе (въ 1795 году), въ которомъ просило объ освидѣтельствованіи колокола съ надписью въ с. Кручикѣ. Дѣло началось по жалобѣ, поданной въ правленіе Ольховскимъ на уѣзднаго предводителя дворянства Николая Куликовского. Послѣдній въ двухъ своихъ официальныхъ прошеніяхъ, представленныхъ въ намѣстн. правленіе и уголовную палату, между прочимъ написалъ, что Ольховскій не только не заслуживаетъ никакого довѣрія, но даже не можетъ быть терпимъ въ обществѣ честныхъ людей, такъ какъ правительствующій сенатъ въ 1781 г. присудилъ его къ лишенію чина, содержанію на хлѣбѣ и водѣ и церковному покаянію за избіеніе поданныхъ черкасѣ села Кручика, а Каразинъ въ память объ этомъ поступкѣ его вылилъ колоколъ со слѣдующею надписью: „сей колоколъ кровь вопіющая къ Богу людей побитыхъ села Кручика и дер. Основинецъ Саввою Васильевымъ сыномъ Ольховскимъ“ (1776 г.); сверхъ того, въ краснокутскомъ уѣздномъ судѣ производилось дѣло объ убійствѣ Ольховскимъ казеннаго обывателя слоб. Мурафы, при чемъ, во время повального обыска, произведеннаго дворянами, о немъ былъ данъ неодобрительный отзывъ. Ольховскій заявлялъ, что все это вымыслы, пасквили, за которые Куликовского нужно отдать подъ судъ; они порочатъ его честь, какъ депутата, и вмѣстѣ съ тѣмъ недостойны предводителя дворянства, какъ это видно изъ устава благочинія (11-го отдѣленія 271-й статьи). За эти ругательства и за распространеніе пасквиля на металлъ нужно отослать Куликовского подъ судъ, а съ самимъ пасквильнымъ колоколомъ поступить по всей строгости законовъ (сжечь); до тѣхъ же поръ, пока начнется слѣдствіе, нужно немедленно предписать краснокутскому нижнему земскому суду и капитану-исправнику объ изслѣдованіи пасквильной надписи, о снятіи колокола съ колокольни и о храненіи его при судѣ; но такъ какъ этотъ пасквильный колоколъ хранился при церкви, то слѣдуетъ подвергнуть законной отвѣтственности и церковнослужителей „за храненіе при божественномъ храмѣ толико непотребной, но паче противной божественнымъ и монаршимъ законамъ вещи“, ибо этотъ „колоколъ не о молитвѣ ко исправленію, но на тяжкое

имени его, Ольховскаго, поруганіе, ко услажденію противящихся божественнымъ и монаршимъ правоученіямъ сердець гласомъ злобы вопіеть, чему при храмѣхъ Божіихъ быть не должно“. Въ этой жалобѣ Ольховскій, какъ мы видимъ, категорически не отрицаетъ возведенныхъ на него обвиненій, а только находитъ, что ругательная надпись на церковномъ колоколѣ оскорбляетъ религію и государство. Намѣстническое правленіе, конечно, не могло оставить этого извѣста безъ послѣдствій и дало дѣлу законный ходъ. Оно прежде всего обратилось въ уголовную палату съ запросомъ, возможно-ли послѣ всего этого Куликовскому и Ольховскому оставаться при ихъ должностяхъ; затѣмъ направило дѣло объ оскорбленіи на письмѣ Куликовскимъ Ольховскаго въ волковскій уѣздный судъ, а краснокутскому нижнему земскому суду предписало изслѣдовать вмѣстѣ съ депутатомъ отъ духовнаго правл. надпись на колоколѣ въ с. Кручикѣ; кромѣ того, обо всемъ этомъ было сообщено для зависящихъ распоряженій преосвящ. Оеоктисту, епископу Бѣлгородскому и Курскому. Бѣлгородская духовная консисторія предписала Краснокутскому духовному правленію осмотрѣть колоколъ, что было и исполнено. Оказалось дѣйствительно, что на большомъ колоколѣ снаружи при краяхъ имѣются вылитыми такіа слова: „сей колоколъ кровь вопіющая къ Богу людей побитыхъ села Кручика и деревни Основинецъ Саввою Васильевымъ сыномъ Ольховскимъ 1776 г. августа 15 дня“. Къ этому колоколу былъ прикрѣпленъ часовой молотъ, который билъ часы въ слово имени Саввы; священники и церковнослужители обязаны были подпиской о сохраненіи колокола. Все это происходило въ 1795 году.

Назаръ Александровичъ Каразинъ прибѣгнулъ къ своему оригинальному мщенію повидимому только послѣ того, какъ не могъ добиться управы надъ Ольховскимъ обычными средствами суда. О его попыткахъ въ этомъ отношеніи даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія два дѣла, хранящіяся въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ. (Харьковское отдѣленіе, VI, № 286 и 188). Столкновенія между Ольховскимъ и Каразинымъ начались въ 1775 г. Савва Ольховскій, бывший тогда капитаномъ козловскаго

пѣхотнаго полка, проживалъ въ своемъ селѣ Шаровкѣ; онъ не исполнялъ никакихъ служебныхъ обязанностей, а все свое время посвящалъ хожденію по дѣламъ въ Ахтырской, провинціальной и въ слободскоукраинской губернской канцеляріяхъ, вотчинномъ департаментѣ и межевой конторѣ; но при немъ всетаки проживала и военная команда, что давало ему огромное преимущество передъ другими мирными помѣщиками-сосѣдями. Между прочимъ Ольховскій въ январѣ 1775 г. ночью прислалъ къ мельницѣ Каразина, находившейся въ чертѣ его земельныхъ владѣній на р. Мерлѣ, своего прикащика Данила Мещерякова съ командою болѣе 20 чел., вооруженныхъ ружьями, копьями и дубинами; они разломали въ избѣ двери и окна и избили четырехъ человекъ подданныхъ Каразина и захватили ихъ съ собою въ Шаровку. Затѣмъ въ августѣ мѣсяцѣ того же года, по приказанію Ольховскаго, прикащики его Григорій Васильевъ да крѣпостной Митька съ шаровскими и мураховскими подданными захватили семь скирдъ сѣна, накопшеннаго людьми Каразина на его собственныхъ поземельныхъ дачахъ, а на другую ночь снова воровски увезли 6 скирдъ сѣна изъ хутора Каразина Мандричина. Каразинъ сдѣлалъ заявленіе объ этомъ краснокутскому комиссарскому правленію, вахмистръ котораго Андрей Чаговецъ вмѣстѣ съ понятыми прослѣдилъ движеніе подводъ съ сѣномъ въ Шаровку. Ахтырская провинціальная канцелярія потребовала къ отвѣту Ольховскаго, но тотъ объявилъ, что не явится, такъ какъ находится здѣсь по казенному дѣлу для покупки на полкъ воловъ и лошадей, при этомъ прибавилъ, что провинціальная канцелярія имѣетъ въ своей инструкціи „взоръ и бредню“. Каразинъ указывалъ, что это одни отговорки, и что Ольховскій, проживая здѣсь съ командою, только даромъ получаетъ жалованье.

Въ 1776 г. послѣдовалъ новый ночной наѣздъ Ольховскаго на хуторъ Каразина, наѣздъ, имѣвшій характеръ настоящаго нападенія. На этотъ разъ Ольховскому помогала и мать его Татьяна Абазина. Дѣло окончилось тѣмъ, что двое подданныхъ Каразина было убито, а двадцать девять ранено и изувѣчено; захвачено было также много разныхъ пожитковъ. Началось

официальное слѣдствіе, которое тянулось до 1779 года; но и въ этомъ году не было еще вполне закончено: состоялась только сентенція (т. е. мнѣніе) слободско укр. губ. канцеляріи, которая должна была еще пойти на апробацію малорос. ген. губ. П. А. Румянцева-Задунайскаго, а, можетъ быть, и Правительствующаго Сената.

Каразинъ сообщаетъ намъ содержаніе этой сентенціи, но насколько его сообщеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности—сказать трудно по неимѣнію прямыхъ положительныхъ данныхъ. Впрочемъ косвенныя соображенія приводятъ насъ къ убѣжденію, что онъ былъ близокъ къ истинѣ. Дѣло въ томъ, что слоб. укр. губ. канцелярія жаловалась Румянцову за разглашеніе ея сентенціи, но при этомъ не заявляла, чтобы Каразинъ невѣрно изложилъ дѣло. Каразинъ же писалъ, что мать Ольховскаго, Абазина присуждена была къ тѣлесному наказанію, самъ же Ольховскій бѣжалъ въ Петербургъ, чтобы выхлопотать тамъ себѣ апелляцію. Дѣло, очевидно, должно было окончиться серьезно для обвиняемыхъ. Это видно между прочимъ и изъ тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ пресѣченія, которыя принимали слободско-украинская губ. канцелярія противъ матери Ольховскаго. Когда рѣшеніе состоялось, губ. канцелярія распорядилась „сбискать Абазину и содержать до конфирмаціи приговора ее при губ. канц. подъ карауломъ“. Для взятія ея подъ стражу былъ отправленъ въ деревню Шаровку прапорщикъ Ивковъ съ 4 солдатами и унтеръ-офицеромъ; но порученія своего онъ не могъ исполнить, потому что она . . . оказалась опасно больна. Прапорщику Ивкову не повѣрили и послали лѣкаря Михайловскаго, который нашелъ, что обвиняемая находится уже въ преклонномъ возрастѣ, болѣзненнаго сложенія и, кромѣ того, страдаетъ маточными болѣзнями. Вслѣдствіе такого заявленія Ивкову поручено было остаться у Абазиной, ожидать ея поправленія, чтобы представить въ Харьковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ тайно слѣдить за тѣмъ, не появится ли у матери сынъ—и тогда арестовать и его. Но прапорщику Ивкову сдѣлалось, очевидно, скучно проводить время у старушки Абазиной, и онъ проситъ объ освобожденіи его отъ этой обязанности, ссылаясь также

на тяжкую болѣзнь. Тогда на смѣну прапорщику Ивкову отправили прапорщика Кумикина, который также долженъ былъ ожидать выздоровленія майорши Абазиной. И онъ ждалъ, и не скучалъ, и не болѣлъ. Но Каразину надоѣло ожиданіе; онъ, очевидно, не вѣрилъ въ болѣзнь Абазиной и полагалъ, что харьк. губ. канцелярія и прапорщики потворствуютъ отвѣтчицѣ. И вотъ онъ пишетъ челобитную на имя Румянцева, въ которой проситъ взять подъ стражу Абазину, иначе она можетъ убѣжать подобно своему сыну. Каразинъ, вѣроятно, хорошо зналъ старую майоршу и имѣлъ основаніе думать, что она можетъ обнаружить ловкость въ побѣгѣ, равную храбрости въ „гвалтовномъ наѣздѣ“. Да и сама губ. канцелярія также, очевидно, была высокаго мнѣнія о доблести и рѣшительности Абазиной въ военныхъ стычкахъ, ибо рекомендовала извѣстнымъ уже намъ прапорщикамъ обратиться за помощью и содѣйствіемъ къ мураховскому казенному управленію.

Получили ли въ концѣ концовъ должное возмездіе отъ Немезиды Ольховскій и его мать, изъ документовъ ясно не видно. Можно полагать, что Ольховскій получилъ, но съ точки зрѣнія Наз. Каразина недостаточное. О характерѣ наказанія можно судить изъ приведеннаго выше отзыва Куликовского. Онъ въ прошеніи своемъ, какъ мы видѣли, заявлялъ, что Сенатъ въ 1781 г. присудилъ Ольховскаго за избіеніе Каразинскихъ подданныхъ къ лишенію чина, заключенію на хлѣбъ и воду и церковному покаянію. Мы скорѣе допускаемъ эту версію, чѣмъ ту легенду, которая сохранилась въ устной передачѣ (что Ольховскаго высѣли въ Петербургѣ); быть можетъ, поводомъ къ этому разсказу о сѣченіи Ольховскаго послужило преданіе о приговорѣ надъ его матерью Абазиной, которая, какъ мы знаемъ изъ прошенія Наз. Каразина, была присуждена къ этому наказанію. Какъ бы то ни было, Наз. Каразинъ считалъ наказаніе, постигшее Ольховскаго, недостаточнымъ и рѣшилъ еще наказать нравственно. Мы, конечно, принимаемъ ту редакцію надписи на колоколѣ, какую намъ оставили слѣдователи; эпитета „проклятый“ (Савва) въ ней не было.

Не такъ давно въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ была напечатана статья объ „историческихъ“ колоколахъ въ Россіи. Къ цѣлой серіи достопримѣчательныхъ колоколовъ, тамъ описанныхъ, мы прибавили еще одинъ, „Каразинскій“, который по справедливости долженъ занять тамъ довольно почетное мѣсто.

Д. И. Багал'й.

